

АННА
БЯЛКО

СКАЗКИ
ЖЕНСКОГО ЛЕСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОКТОБУС

Анна Бялко

Сказки женского леса

Текст предоставлен изд-вом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164814

Сказки женского леса (Авторский сборник): Октопус; 2003

ISBN 5-94887-008-1

Аннотация

Сказки, сказки... «Что за прелесть эти сказки!» «Сказка ложь, да в ней намек...» Современный и подчас достаточно жесткий ритм нашей жизни, казалось бы, совершенно не оставляет места для сказок. А так хочется чего-нибудь необычного.

В новой книге Анны Бялко «Сказки женского леса» читатель встречается с новым, хотя одновременно и хорошо знакомым, классическим жанром. Современная сказка, городская сказка, фантазийная новелла – называть можно как угодно. Главное – в этих историях привычные зарисовки ежедневных будней уютно разместились рядом с загадочными и волшебными явлениями.

Оказывается, если как следует взглядеться, сказку можно найти... даже в собственном шкафу. Если очень этого хотеть, конечно.

Автору это удалось.

Содержание:

Покупатель иллюзий

Шубка

Отдых на море
Интервью
Замкнутый контур
Насыпь
Пух одуванчика

Содержание

ПОКУПАТЕЛЬ ИЛЛЮЗИЙ	5
ШУБКА	51
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Анна Бялко

Сказки женского леса

ПОКУПАТЕЛЬ ИЛЛЮЗИЙ

Сказка

Юля Смирнова жила-была себе тихо-мирно. Все у нее было хорошо, и она всегда была всем довольна. Всегда, конечно, следовало понимать только в целом, в глобальном смысле, потому что трудно быть всем довольной ежеминутно, если у тебя есть муж, семилетняя дочь, большая неубранная квартира и бестолковая собака-сенбернар. Кто-нибудь непременно уж да нагадит, ни минуты спокойно не посидеть. А с другой стороны, так и сидеть все время в одиночку тоже, наверное, радости мало.

Так что Юля Смирнова своей жизнью была довольна. Особенно в те редкие минуты, когда муж приходил с работы не слишком поздно, дочь не приставала с капризами и не разносила квартиру в пух и прах, а сенбернар не сжирал обед на завтра, непредусмотрительно забытый вечером на столе.

Жили они все в большой квартире, доставшейся Юле еще в наследство от бабушки. Это было и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что квартира была почти в самом центре Моск-

вы, недалеко от Садового кольца, в отличном месте рядом с Зоопарком, а плохо потому, что дом старый, и, как эту квартиру не отремонтируй, все равно не удавалось добиться от нее новизны и сияния, которые в других квартирах, поновее, возникают после евроремонта. У Юли же то потолок протекал, то паркет вспучивался, да и мебель бабушкина плохо вписывалась в современный дизайн. А выбросить было жалко, потому что такую больше не купишь, и они даже ссорились из-за этого иногда с мужем Мишей.

Муж Миша, с которым Юля прожила вместе всю свою жизнь (ну, не всю, но больше десяти лет уж точно, все равно столько не бывает), последние года три работал директором туристического агентства. Это тоже было и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что Миша там зарабатывал много денег и они все жили, ни в чем не нуждаясь, и раза два в год ездили отдыхать куда-нибудь в красивые места, и машина у них была хорошая, и шубу Юля купила, а плохо – потому что он мало того, что работал целыми днями, так еще и в командировки часто уезжал. Также, между прочим, во всякие красивые места, разрабатывать новые маршруты, но один, без Юли, и это действовало ей на нервы. Без мужа она боялась гулять по вечерам с собакой в новой шубе, а машина, хоть и оставалась ей в единоличное пользование, тоже большого смысла не имела, потому что ездить на ней Юля успевала только в магазин за продуктами, и то раз в неделю.

В собаке, если честно, ничего хорошего не было – она,

вернее, он, Пусик, был здоровенным, как лошадь, прожорливым, как свинья, и с удивительно вредным для такой благородной породы характером. Все десять с лишним лет (потому что его подарили как раз на свадьбу друзья-шутники) он воровал еду со стола, грыз тапочки и пачкал одежду шерстью, смешанной со слюнями, но Юля все равно его почему-то любила, а уж дочка Ксюша и просто души в нем не чаяла, каталась на нем верхом, как на лошади, и считала самым главным членом семьи.

Сама Ксюша как раз в этом году пошла в школу, так что вся Юлина жизнь теперь была подчинена казенному ритму: встать-разбудить-отвести-забрать-покормить-сделать уроки-в музыкальную школу-забрать-ужин-спать. Да, и еще когда-то надо было гулять с собакой.

Юля не жаловалась, ей было не привыкать, она, собственно, жила в таком режиме с Ксюшиного рождения. Дочка была слабенькой, часто болела, в садик ее не отдавали, а на няню денег тогда не хватало. Сейчас бы, конечно, хватило, но Юля все равно уже не работала, а пускать чужого человека в дом ей не хотелось. То же и с домработницей. Можно было найти кого-нибудь убираться в квартире и ходить за продуктами, но Юле почему-то было противно, что кто-то посторонний будет рыться в ее вещах, а ездить за продуктами в магазин ей даже нравилось.

В самом деле, это же совсем не то, что по продуктовому рынку толкаться. Приехала на машине – в центре не очень

много больших супермаркетов, приходится подальше отъезжать, но и это не беда, Юля водила недавно, и ей это было в удовольствие. Приехала, запарковалась, пробежалась по чистому светлому магазину с большой тележкой, набила багажник вкусными вещами, привезла все домой – красота. Юля с удовольствием представляла себя со стороны – молодая элегантная дама, в красивой шубе, на хорошей машине, эх, жалко, никто, кроме мужа, не ценит, да и он норовит в командировку отъехать...

Ксюшина школа, хорошая, английская, находилась по другую от них сторону Садового кольца, в тихом центре, на Бронной. Пешком туда было идти минут пятнадцать, а ехать, с разворотами по кольцу, все полчаса, не считая утренних пробок. Поэтому Юля, конечно, водила ее туда пешком, пешком же и забирала, и эти походы, поначалу своей нелепостью раздражавшие, постепенно стали ей нравиться. Особенно дневные, когда Ксюшу надо было из школы забирать, потому что с утра они обычно торопились, да еще Юля часто брала с собой пса на прогулку, и это разрушало остатки очарования. А как его, мерзавца, с утра не возьмешь? Он же здоровый, упрется, ляжет под дверь, может, если что, и из дому не выпустить. А вот днем – другое дело. Можно было не спеша идти по улице, что-нибудь тихо думать сама с собой, заходить в попутные магазинчики. Юле, несмотря на ее домоседство, не так уж часто удавалось оставаться одной и никуда не спешить, а что касается удовольствия от заходов в

магазин с ребенком любого возраста... Вы сами-то пробовали? В хорошую погоду она даже иногда специально выходила за Ксюшей немножко пораньше, делала лишний круг по Патриаршим прудам, присаживалась на лавочку, подставляла солнцу лицо...

Сейчас-то, когда уже на дворе стояла мокрая по-московски осень-предзимье, вся в слякоти и грязи, особенно сидеть не хотелось. Юля медленно шла по бульвару Патриарших прудов, глядела по сторонам. У Ксюшки звонок только через полчаса, она почти на месте, можно не торопиться. Красивое все-таки это место, даже в погоду такую дурацкую. Если б вот только пруд разрывать не начали... И памятник, говорили, опять тут хотели дурацкий поставить, вроде какой-то примус... Придумают тоже. Не зайти ли, пока есть время, куда-нибудь в магазинчик, хотя бы в тот, с домашними мелочами, поглядеть чего-нибудь симпатичного на кухню повесить... Мишка если и вспомнит про сувениры, все равно купит что-то бессмысленное, только денег жалко. И когда уж он там вернется? Вроде бы должен до выходных, а там кто его знает... Все-таки плохо, что он теперь так часто мотается, ребенок совсем без отца растет. Да и сама она мужа почти не видит, он если и в Москве, все равно торчит допоздна на своей работе, приходит и падает... То ли дело раньше, когда он работал в своем НИИ, шесть часов – и все дома. Правда, тогда и денег не было ни черта. А зато молодые были, красивые. Хотя она и сейчас очень ничего, и вообще, для жен-

щины тридцать три года – не возраст, особенно если следить за собой. Надо бы в парикмахерскую сходить, давно не была. Вот завтра отведу Ксюшку в школу и выберусь, только надо не забыть позвонить-записаться. Может, покраситься заодно? А что? В блондинку? Подстригусь покороче, покрашусь, Мишка приедет – не узнает. Если приедет, конечно... Черт, обидно все-таки как, а... Девчонки вон на стену лезут, выкручиваются, на любовников минутку урывают, а у меня – полная свобода, а толку... Прямо хоть заводи кого, да только где ж его взять?

Тут Юля, конечно, как это свойственно женщинам, просто кокетничала сама с собой. Мужа она любила, и никакого любовника ей было не надо, но отчего немножко не помечтать? Тем более, как говорила ей подружка Ирка, из бывших одноклассниц, Валерка Рабинович на вечере встречи по поводу пятнадцатилетия их школьного выпуска (который Юля из-за Ксюшиной ангины пропустила) прямо весь извелся, что она не пришла.

– Все спрашивал, Юлька, и спрашивал, и меня, и девчонок, где ты, что ты...

– Да врешь ты, Ирка, все. С чего бы ему? – не верила довольная Юля.

– Как то есть с чего? Да он все десять лет в тебя был влюблен.

– Не выдумывай. Какое влюблен? Он кроме книжек своих и не видал ничего, ботаник несчастный.

– Это он был ботаник. А сейчас – что ты, не подойди! Весь из себя крутой, на мерседесе, пиджак от Версаче, два мобильника...

– И чем же он таким занимается? Бандитом стал?

– Да ну тебя, Юлька. Совсем не бандитом, это ты со своими детскими болячками от жизни отстала. Он бизнесмен, страшно богатый, у него то ли банк, то ли биржа какая-то, я не вникала.

– Ну так он женатый.

– Ой, Юлька! – тут Ирка вообще закатила глаза. – Там такая история... Мне говорила Машка, а у нее у подруги муж как раз где-то рядом работает, от него пару лет назад жена сбежала...

– От мужа?

– Дура! От Рабиновича! Сбежала в Америку, прямо с его ближайшим другом, а тот украл чуть ли не пакет акций, и она увезла ребенка, а Валерка поехал за ними и этого ребенка украл обратно. Там такое было, прям детектив, он прилетел и сидел в самолете, и сразу в воздух, а жена – в полицию, а потом он его уже здесь себе отсудил. А акции им оставил, и теперь у них в Америке свой банк, а жена потом просилась обратно, он ее послал.

– А ребенок?

– Ребенок у Валерки остался. Тот ему гувернантку нанял, фотку показывал.

– Гувернанткину?

– Ребенка. Ничего, симпатичный такой пацан, вроде Ксюхи твоей.

– Плохо это как-то – у матери ребенка отнимать. И ребенку без матери плохо.

– Да брось ты! У Рабиновича столько денег, он ему купит. Прикинь, он на весь класс шампанского приволок и всем девчонкам цветы. Все про тебя спрашивал. Ой, Юлька, я бы на твоём месте не терялась...

Бестолковая Ирка, конечно, молола чушь, но слушать ее было приятно. С Валеркой они всю школу сидели на одной парте, Юля списывала у него все контрольные, за что носила бутерброды. Это были чисто деловые отношения, и вовсе ничего похожего на роман. Но все равно... А вдруг... Зря она не пошла на вечер встречи, но у Ксюшки поднялась температура. Мишка был, как всегда, в отъезде, а мама к Юле прийти не смогла. Валерка, наверное, просто так спрашивал, потому что сидели вместе, хотя... Он как-то однажды, классе в восьмом, ее до дому проводил, портфель поднес. А в пятом за косы дергал... А в десятом, незадолго до выпуска, предложил пойти на какой-то концерт, у него билеты пропадали, а она отказалась, потому что на курсы подготовительные шла. И на стенке в подъезде ей кто-то неизвестный в любви признавался... Может, и правда, у него была первая любовь, а она не заметила? А сейчас он такой несчастный, без жены с ребенком, и вспомнил о ней... Эх, надо, надо было идти, сходили бы потом с Валеркой куда-нибудь в ресторан, у нее

такое платье красивое в шкафу пропадает. Ирка вон говорит, он выглядит хорошо. Опять же мерседес... Они с Мишкой уже сто лет никуда не ходили, ему все некогда, а она, между прочим, красивая женщина, вон про нее одноклассники пятнадцать лет помнят, и молодая еще... Не выйди она тогда за Мишку, мало ли, как бы все повернулось...

Тут Юля свернула за угол на Бронной и оказалась в школьном дворе. Только что прозвенел звонок, и из дверей скопом вываливалось разномастное детское племя. Юля заторопилась – Ксюшу надо найти, быстро одеть, поговорить с учительницей... Дела закрутились вокруг нее, и ей стало совсем не до Ирки с ее Рабиновичем.

Она снова вспомнила про Валерку примерно месяц спустя, и примерно на том же месте. В тот день ей пришлось взять с собой за Ксюшкой еще и собаку – гадкий пес снова что-то не то сожрал, у него разболелся живот, он жалобно ныл и беспрестанно просился на улицу. Оставлять Пусика дома одного в такой ситуации было небезопасно, и Юля, скрепя сердце, потащила его с собой. Идти по скользким улицам со здоровущим сенбернаром на поводке и без того невесело, а тут еще он норовил присесть на каждом углу, на Юлю ругались прохожие, и бодрости все это не прибавляло. На Патриарших прудах она наконец отстегнула поводок и вздохнула свободнее. Пес умчался за загородочку на газон, где тут же и распластался под кустом в характерной позе. Юля ждала его, помахивая поводком, и тут мимо нее пронес-

ся на дикой скорости блестящий лаковый черный мерс. «Надо же, как гоняет по узким улицам, псих», – подумала она и тут же, по какой-то загадочной ассоциации, вспомнила Рабиновича. Тоже, небось, ездит где-нибудь в своем мерседесе и сучает по ней, а она, Юля, стоит себе на бульваре в старой дубленке (не одевать же новую шубу, выходя на улицу с псом) и ждет, пока этот самый пес просрется под кустом, вся такая одна-одинешенька... Мишка опять уехал в какое-то Гонолулу, ребенок в школе, у собаки понос и квартира не убрана. А ей бы сейчас, всей из себя такой прекрасной, надеть бы туфли на шпильках, сесть в мерседес и поехать в шикарный ресторан. А за рулем чтоб был джентльмен... Да пусть даже и Валерка, лишь бы смотрел на нее влюбленными глазами и трепетно вздыхал. Интересно, может, ему позвонить? Наверняка у Ирки есть телефон... Правда, она, конечно, тут же вообразит себе невесть что, ну да причину-то можно будет придумать. Вот она позвонит, и что? Как что – он тут же примчится на белом коне, то есть на черном мерсе, и увезет ее от этой гадкой собаки в теплые края, а по другому и быть не может.

Гадкая собака закончила свои дела и стояла рядом, как теленок, тыкаясь мокрой мордой куда-то в живот. Пора было бежать в школу. Юля пристегнула поводок и затрусила, поскальзываясь, дальше.

Так оно и пошло. Когда Юле было тоскливо или противно, ей вспоминался Валерка с его мерседесом и влюбленными

ми глазами. Собственно, она с трудом могла представить себе Рабиновича с влюбленными глазами, она вообще его глаза еле помнила, но это было неважно. Важно было, что он где-то есть, и она, если захочет, найдет его телефон, позвонит ему, и он тут же примчится. Дальше этого мечты никогда не шли, но Юле и этих вполне хватало. А чего еще надо? Вспомнить, что да, молодость проходит, но еще не прошла совсем, что ты еще хороша, что если захотела, вполне могла бы... А если ничего такого нет, так это просто потому, что все и так хорошо, ну и зачем что-то такое придумывать? Между прочим, в малых количествах очень полезная и действенная психотерапия.

Мечтания все эти случались с ней чаще всего на Патриарших прудах, что было неудивительно. Где ей еще и мечтать, если это единственный спокойный промежуток в жизни – как во времени, так и в пространстве. Дома – готовка, уроки, суета и возня, в магазинах вообще не размечтаешься, только вот на прогулке и остается, да и то, если собака не привяжется...

Мокрая и серая осень-предзимье сменилась ничуть не более погожей зимой-предвесеньем, все та же слякоть и грязь, разве что еще холоднее. Юля шла за дочкой привычным маршрутом, не торопясь и размышляя, чего бы ей хотелось на восьмое марта в подарок. Вообще-то она не очень любила этот праздник по половому признаку, но праздников в нашей жизни так мало, что может сгодиться и такой. Мишка обе-

щал быть дома, будет повод куда-нибудь выбраться, подкинув Ксюшу бабушке, цветочки, романтика... Не хватает нам в жизни романтики, вот что, – и тут Юля заметила видимо недавно открывшийся неподалеку новый магазин.

Собственно, ничего ни нового, ни необычного в этом не было. Место известное, бойкое – на Патриарших и в переулках вокруг довольно часто открывались новые лавочки: магазинчики, всевозможные агентства, кафе; потом они закрывались, сменяя друг друга, открывались опять...

Новая лавочка была совсем небольшой, в одно окошко, скромная дверь, как бы прячущаяся за выступом соседнего, прилегающего вплотную, дома, узкая вывеска. «Иллюзии чего-то там» или как-то похоже, Юля даже толком не разглядела. А может, заведение тут и раньше было, просто она не замечала. Интересно, и чем там торгуют? Или опять турагентство открыли, конкуренты противные... Тут, кажется, раньше продавали что-то вроде домашних мелочей, или это рядом? Юля глянула на часы – до конца уроков еще было время – и, сама не очень понимая, зачем, потянула на себя дверную ручку.

Войдя, она оказалась в маленьком чистеньком помещенье. Одна комнатка, узкая, как пенал, светлые деревянные панели на стенках, яркая лампа дневного света, стойка-прилавок, два кресла. Это был явно не магазин, скорее все напоминало химчистку, только не хватало вешалок, пакетов, куч сданной и вычищенной одежды да приемщицы в синем ха-

лате. Или кого-нибудь другого, сидящего за прилавком. Помещенице оказалось пустым, и это было тем более странным, что и дверей-то никаких внутренних не видно, то есть получалось, что обитатель просто взял и ушел, не заперев за собой входную дверь – заходи, кто хочет...

Юле стало неловко. Надо было, конечно, уйти, но она почему-то не решалась. Вместо этого она зачем-то постучала легонько по стойке и позвала: «Есть тут кто-нибудь?». Никто не отзывался. Юля потопталась еще немного и наконец повернулась было к двери – уходить, как позади нее раздался неясный шорох. За стойкой неведомо откуда (под прилавком он, что ли, прятался?) возник сухонький аккуратный дедок с седой козлиной бородкой, похожий на веселого гнома из детских мультиков, только роста нормального, человеческого.

– Чего изволите-с? – с полупоклоном обратился он к Юле. Она растерялась. Ей, в общем-то ничего было не надо, но объяснить это сразу тоже не получалось, а дедок к тому же так ласково на нее смотрел.

– Не знаю, – наконец призналась она и, чтобы не показаться совсем уж душой, спросила сама:

– А что вы можете мне предложить?

– Да вы присядьте, дамочка, – дедок, лучезарно улыбаясь, указал рукой на кресло. Юля зачем-то послушалась и села. – Предложения у нас разные. Самолучший товар. На любой вкус. По всем, так сказать, запросам.

– А где ж он? – не поняла Юля. – Тут и нет ничего. Чем вы таким торгуете-то?

– У нас, голубушка, извольте видеть, – старичок снова отвесил ей полупоклон из-за стойки, – у нас товар эфемерный, много места не занимает. Да-с. Но единственный в своем роде, аналогов, как сейчас говорится, нет. Мы, милочка, – тут он снова качнулся вперед, – иллюзии продаем-покупаем, знаете ли, вот так-с.

– Это как же? – не поняла Юля.

– А очень просто-с. Ведь человек – он как? Человек, он рождается, известное дело, без зубов, без волос и без иллюзий. И умирает, заметьте, точно так же – без зубов, без волос и без иллюзий. Ну, зубы с волосами, это понятно, дело наживное, свои не задались – вставить можно, а с иллюзиями как прикажете быть? Хорошо, если с детства выросли, а ну если нет? А вот тут мы – пожалуйста, с дорогим удовольствием, в лучшем виде. И, опять же, к старости, если есть лишние – куда их девать? А мы тут как тут. А иллюзия, матушка моя, она не смотри, что глазом невидная, на деле – ценнейший товар. И не каждому доступна, не каждому.

– Да бросьте вы, – махнула Юля на старичка рукой, – не выдумывайте. Иллюзия – она и есть иллюзия, это у каждого есть. Да вот любую девушку возьми...

– Э, нет, ошибочка ваша, – перебил ее гномик. – Что – девица? Что у нее в голове? О чем она думает?

– Ну, пусть о любви, – ляпнула Юля первое же, что при-

шло в голову.

– Известно, любовь, – ехидно протянул старичок. – Принца ей подавай на белом коне, знаем. Так это, милая вы моя, – он хитро прищурился, – это мечта. Совсем другой коленкор. Мечты мы и не рассматриваем, их валом вали, по двенадцать на дюжину...

– А если о работе хорошей думать? – Юля решила не сдаваться. – Чтоб образование получить и денег зарабатывать? Тогда как?

– И обратно же это не иллюзия, – обрадовался старичок. – Это намерение. Намерение – штука посолидней мечты выходит, но тоже не то.

– А наследство если мечтать получить? От дядюшки из Америки?

– Это надежда. Причем, заметьте, – он сделал указующий жест, – надежды двух видов бывают: реальные и несбыточные. Реальная – когда, к примеру, у тебя этот дядюшка есть, и ты у него единственный родственник. А несбыточная – если и дядюшки-то этого и не было никогда. Надежды мы не берем, возни много. Сны вот еще, если правильные, и то каждый раз смотреть надо...

– А иллюзия-то, – Юля заинтересовалась не на шутку, – настоящая иллюзия – это тогда что?

– Иллюзия – это иллюзия... – Мечтательно вздохнул старичок. – Особенно если чистой воды попадетсЯ... Редко теперь бывает... Так вот, – спохватился он, стряхивая с лица

мечтательную улыбку. – Иллюзия – это полная и искренняя убежденность в чем-то, что, вообще-то, никаких оснований под собой не имеет, но в реальности может существовать. Фантазия, можно сказать, но привязанная к земле. Вот ту же девицу возьмем для понятности. Принц – это ладно, их сейчас и не водится почти, а вот, к примеру, любит девица кавалера. Встречается с ним, то-се, облака-поцелуи. Она-то считает, что он ее любит до смерти, уж всю жизнь наперед с ним придумала, а он, заметьте, ей пока не говорил ничего. Не то чтобы замуж позвать, а и ведет себя, в общем, сомнительно. То опоздает, то и совсем не придет. А она верит. И знать ничего не хочет. А что опаздывает он, да не приходит, да не звонит – так у него дела, у бедняжки, ему некогда... Вот это самая настоящая иллюзия и есть. Чистейшая, незамутненная. Такой, если купить вовремя – цены не будет.

– Да жалко ведь как-то девушку... Странно у вас тут все. А вам-то они зачем?

Старичок, бывший до этого милым и ласковым, враз перестал улыбаться. Губы его подобрались, глаза стали строгими, и сам он будто бы даже помолодел.

– Это уж наше дело. Не хотите – не продавайте, живите сами. А продали – все. Тут уж мы разбираться будем. Я же не спрашиваю, куда вы деньги деваете. Деньги, они, между прочим, в вашем мире иллюзиям сродни. Вы, люди, среди себя тоже... – Он не успел договорить, потому что изумленная Юля его перебила:

– Люди? А вы – кто?

Но тут старичок, осознав, что сказал в запале лишнего, закусил губу и вообще замолчал.

– А что же тогда иллюзия стоит? – спросила Юля, не столько ради интереса, сколько чтобы отвлечь странного продавца.

– Это, голубушка, просто, – старичок снова разулыбался и помягчел. – Проданная иллюзия сбывается.

– Как это? – не поняла его Юля. – И что потом?

– Ничего. Сбывается. Перестает, то есть, быть иллюзией для бывшего владельца. Если, к примеру, ту же девицу взять. Вот продаст она нам иллюзию – и готово. Кавалер тут же к ногам ее – бряк. Назавтра можно замуж идти.

– Так это же здорово, – Юле все-таки было странно. – А почему же тогда у вас тут толпы не стоят, если так просто все?

– Да не все просто-то... С иллюзией так легко не расстанешься. Это раз... Потом, сбывшаяся иллюзия – это совсем не то. Это два. А потом, иллюзию-то, ее надо ж еще отличить. Это три.

– Как отличить?

– Ну как-как... Понять, что это у тебя иллюзия, а не другое что. Не просто. Вот та же девица – она-то на самом деле считает, что у нее все и так хорошо, разве ж она с этим по доброй воле расстанется...

– Но она же все и получит, если продаст!

– Так она-то считает, что все и так при ней. Чего ж продавать-то, от желаний отказываться? Это уж потом, как сбегит кавалер, глаза открываются, что, кроме своих иллюзий, почитай, и не было ничего. А иллюзия на этом разбивается, и тут уже все. Разбитые иллюзии даже мы не берем, только с трещинкой если, и то не все.

– Все равно непонятно. Казалось бы, продай – и все тебе сбудется. Да о такой сделке только мечтать можно. Отдаешь-то – иллюзию, пустой звук, а получаешь – все.

– Так-то оно, конечно, так, да не совсем... Реальность – она не иллюзия, эта штука по жестче будет, об нее порой можно и лоб расшибить. А потом – иллюзии, они у кого бывают?

– У кого?

– Первым делом, конечно, у детишек. Они наивные, так и живут в своем мире детских иллюзий, им весь мир хорошим кажется, мама – волшебницей, папа – всемогущим... Да только с детей какой спрос? Детские иллюзии к нам почти никогда не попадают. Разве ж ребенок может свой мир продать? В котором он изо всех сил уверен?

Потом еще влюбленные есть. Про них я тебе рассказывал. Эти, правда, приходят иногда, особенно мальчишки. Они порасчетливей попадают. Тут же ведь как – ты когда сделку совершаешь, у тебя действительно все сбывается, только ты сам это видишь, как на ладони.

– Как это? – переспросила Юля.

– Ну как? Как на именины бывает. Вот ты, допустим, подарка ждешь?

– Жду, – согласилась Юля.

– И хочешь не абы чего, а чего-то определенного.

– Ну, в общем да.

– Но не говоришь, чего ты хочешь, а ждешь, чтобы даритель сам угадал, правда?

– Конечно.

– Сам угадал, ничего не спрашивая, и подарок до последнего держал в секрете.

– А иначе какой же сюрприз?

– Вот видишь? Потому что если ты заранее скажешь, чего тебе хочется, то подарок-то будет правильный, а радости будет меньше. И тут то же самое. Иллюзия сбывается, но радости меньше, потому что ты ее, эту радость, заранее купил.

– Ну не-ет, – протянула задумчиво Юля. – Это не то же самое. Подарок – это одно, а тут совсем другое. Это же важные вещи, ну, которые сбываются, – любимый человек, еще всякое... А какие, кстати, еще бывают иллюзии?

– Про детей я тебе сказал, – начал загибать пальцы гномик. – Про влюбленных тоже... Еще бывают иллюзии прекрасной внешности – это когда дама, допустим, уверена, что красавица, или считает, что может похудеть, поедая при этом шоколад килограммами. Такие как раз у нас часто бывают. Этим от нас прямая выгода. Так они на пластические операции идут, деньги платят, а так – и нам хорошо, и сами в

плюсе.

– Пожалуй, – согласилась Юля. – А еще?

– Еще есть иллюзии участия, иллюзии тяжелой работы, иллюзии заботы о ближнем. Так себе штучки, если честно сказать, по второй категории идут. Зато, если уж такие люди к нам попадают, те, о ком они «заботились», сильно выигрывают.

– Почему?

– Да как же? О них и на самом деле начинают заботиться!

– Это не всегда большой плюс, – хмыкнула Юля. Она вспомнила свою свекровь, которая никогда не забывала упомянуть в разговоре, сколько всего хорошего она, не жалея себя, делает для Юли, Миши и Ксюшеньки. Впрочем, стоило только кому-нибудь из них заикнуться о самой несложной вещи, например, попросить милую даму посидеть с внучкой пару часов, как у той немедленно находились другие неотложные дела. И это, если честно, не сильно огорчало Юлю. Потому что, если свекровь все же иногда и удавалось уговорить, это все равно потом выходило себе дороже. Посидит с ребенком два часа, а разговоров потом хватает на год, и их надо слушать, поддакивать и улыбаться, иначе обзовут неблагодарной и будут вспоминать еще год. Так что лучше не надо такой заботы, пусть остается на уровне иллюзий.

– Ну, тут уж вам виднее, – хмыкнул в усы старичок. – Наше дело маленькое.

– Кстати, – сообразила вдруг Юля, – а для чего вы мне все

это так подробно рассказываете? Я вроде не влюбленная и не ребенок, и худеть пока не хочу.

– А мне все равно кажется, что вам есть что нам предложить, – улыбнулся в ответ старичок. – Тут, знаете, уже глаз наметан становится. Отчего же не побеседовать с потенциальным клиентом, да-с. И потом, с вами исключительно приятно беседовать, одно удовольствие, вы так четко все понимаете... Будете поблизости, сделайте милость, заходите еще!

Юля спохватилась только на улице. Мать честная, а Ксюха-то! Она тут заболталась, вся по уши в дурацких чужих иллюзиях, а собственного ребеночка забирать? Пушкин будет? Но, удивительное дело, хотя Юля и просидела в странном магазинчике по ее собственным ощущениям никак не меньше получаса, стрелки наручных часов, казалось, не сдвинулись с места ни на минуту. Юля недоверчиво глянула на часы, потрясла их, поднесла даже к уху... Глупость, конечно, часы были кварцевыми и все равно не тикали. Немного успокоившись, она бодренькой все же рысью поскакала на школьный двор и, конечно же, пришла здорово раньше времени.

Больше она не заходила в загадочный магазинчик. Наступило восьмое марта, и вернувшийся муж сделал ей замечательный подарок – на грядущих весенних каникулах они поедут вместе в Египет на десять дней загорать. Ксюшка вместе с Юлиной мамой отправятся отдыхать в подмосковный санаторий – Миша обо всем позаботился, уже и путевки заказал. Собаку же сенбернара предполагалось пристроить на

время к свекрови. Юля не очень верила в успех этого начинания, но молчала – пусть сам разбирается со своими родственниками.

Планы оборвались, как это часто бывает, совсем не в том месте, которое казалось самым тонким. Кончался март, на улице стояла ранняя робкая весна, детские каникулы начинались послезавтра, дочка уезжала завтра утром, веселая Юля складывала ей чемодан. Свекровь еще не успела отказаться сидеть с собакой, но тут сам Миша пришел с работы мрачный и заявил:

– Юлька, ты меня извини, тут такое дело...

Оказалось, ему срочно, ну кровь из носу, нужно улетать куда-то совсем в другое место, прямо завтра, на все те же заветные десять дней. Кто-то там заболел, кого-то нужно заменять, словом, обычная история, а крайняя, естественно, получается она, Юля. Никакие слезы, причитания и ссылки на готовые билеты на Мишу не действовали. Это работа, он начальник, сдать билеты не проблема, впрочем она, если хочет, может ехать одна, без него. Юля сгоряча отказалась. Потом-то она уже об этом пожалела, могла бы, конечно, и одна прекрасно съездить, все лучше, чем ничего, но было поздно. Билеты для своих в агентстве сдавались, как из пушки, и вообще, как оказалось, все проворачивалось быстрее, чем надо бы.

В общем, еще через сутки Юля оказалась впервые за долгое-долгое время совершенно одна на целых десять дней. Ес-

ли, конечно, не считать собаки – свекровь, естественно, позвонила в самый последний момент перед их предполагаемым отъездом и голосом, не терпящим возражений, заявила, что с собакой сидеть не будет. Узнав, что это ее заявление в связи со сменой обстоятельств надлежащего эффекта не имеет, она сменила гнев на милость и предложила собачку все-таки взять, но тут Миша уже сам отказался.

– Вот видишь, – говорил он Юле, застегивая дорожную сумку, – нет худа без добра, по крайней мере Пусик будет присмотрен. Да и ты отдохнешь тут без нас, – гораздо менее уверенным голосом закончил он фразу, глядя, как Юлины глаза в который раз начинают наполняться слезами.

Таким образом, собака осталась с Юлей, и это обстоятельство тут же внесло свою скорбную ноту в ее одинокую жизнь. В принципе, если не считать обиды, остаться одной было не так уж и плохо – можно спать, сколько хочешь, ходить, куда хочешь, не готовить обеда и не убираться, если бы не Пусик. Он в первый же день разбудил Юлю в положенные семь часов, притащив ей в постель поводок, – требовал прогулки. Потом выяснилось, что он хочет жрать (тоже мне новость!), потом – что у него кончилась овсянка, но началась весенняя линька и так далее. Так что Юля не раз помянула свекровь с ее обещаниями незлым тихим словом и после обеда удрала из дому – гулять. Одна, без собаки.

Ноги сами принесли ее к привычному месту – на Патриаршие пруды. Светило мягкое солнышко, под ногами шлепали

весенние лужи, небо было чистым и светлым – хорошо. Юля вздохнула, присела на лавочку почище, закрыла глаза... И по привычке вспомнила про Рабиновича. «Вот сейчас приду домой, узнаю у Ирки телефончик, позвоню, – медленно думалось ей. – И уеду с ним в какой-нибудь Египет. Или хоть в ресторанчик схожу».

Где-то по краешку мелькнула неприятная мысль, что Валерка может быть занят или женат, или просто не захочет никуда ехать, но Юля прогнала ее с возмущением.

– Как это он может быть занят, если я ему позвоню, – сказала она себе. – Счастлив будет до невозможности. И никакой жены – у него уже была одна.

И тут ее осенило. Она даже чуть не подпрыгнула на своей скамье. Ведь это же у нее иллюзия! Самая настоящая, как еще этот старичок говорил, – чистейшей воды. Она быстренько постаралась вспомнить, что еще объяснял ей тогда загадочный гномик. Все совпадало – убежденность в чем-то, что не имеет никаких оснований. По большому счету, ну какие у нее основания думать, что позвони она – Валерка тут же все бросит и прибежит? Фантазия, но привязанная к земле, – и это сходится, потому что Валерка же есть и был, и спрашивал про нее...

Юля завертелась на своей скамейке, вытягивая шею и пытаясь разглядеть сквозь прозрачные ветки деревьев маленький магазинчик. А был ли он вообще? Может, она тогда задремала и ей почудилось? Да, а откуда тогда у нее в голове

весь этот бред про иллюзии? Нет, ничего не почудилось, а надо идти туда и загнать иллюзию подороже!

Она и пошла, но в голове тут же закопошились другие, осторожные, мысли. Проданная иллюзия сбывается. Вот и эта – сбудется, придет за ней Рабинович, и что с ним потом дальше делать? Но Юля и эти мысли прогнала. В конце концов, Мишка обидел ее, так гадко с ней поступил, у нее есть целая свободная неделя, она молодая, в конце концов, женщина, а Рабинович только появится – что в этом будет плохого? Будет цветочки дарить, вздыхать... Юля зажмурилась. Сто лет ей никто цветочков не дарил – от мужа на восьмое марта не считается!

Так, шаг за шагом, она подошла к знакомой незаметной двери, потянула ручку на себя. Старичок в этот раз оказался на месте, сидел за прилавком, будто ждал. Юлю он явно узнал и очень обрадовался.

– Ах, это вы, моя милая! Проходите скорей, проходите. Приятно видеть вас, да-с.

Юля присела в кресло. Она хотела сказать ему, зачем пришла, но как-то не знала, с чего начать. Старичок, впрочем, догадался и сам.

– Кажется мне, голубушка, вы не просто так меня навещать забежали? Не с пустыми руками пришли. Принесли что-нибудь старичку?

Юля кивнула.

– Вот и ладненько. Вот и чудненько. Давайте посмотрим.

Я, моя милочка, если хотите знать, еще в прошлый раз понимал, ох, не просто так дама интересуется. Вот и не ошибся, нет-с. Ну-ка, что там у вас?

– Как же я вам покажу? – Юля растерялась. – Это же... Сами знаете...

– И не волнуйтесь, милая, – замахал рукой старичок. – Ясно дело, у нас все отработано. Ничего не надо показывать. Вы вот сядьте-ка поудобнее да постарайтесь подумать о своем, а я вам только в глазки посмотрю.

Юля честно постаралась расслабиться и вспомнить свои мечты. Это не очень-то получалось в таких условиях, и она просто мысленно перечислила все, о чем думала раньше – как позвонит, и как Валерка приедет на шикарной машине, и про цветы... В это время ей показалось, будто по мыслям ее, прямо внутри, в голове, скользнула чья-то чужая холодная лапка. Юля невольно поморщилась, и лапка тут же исчезла.

– Чудно, голубушка, – старичок прямо весь сиял, – замечательно. Иллюзия, и какая красивая, просто чистой воды. Все при ней! Будете продавать?

– Не знаю, – замялась Юля. – Вообще-то, наверное... Это ведь не опасно?

Старичок засмеялся, но как-то не очень весело.

– Не опасно, конечно. Я же рассказывал вам: проданные иллюзии сбываются. Совсем сбываются, прямо как мечталось. Тут только одно, – он защелкал пальцами, подбирая слова. – Они сбываются, как мечталось, но мечта, иллюзия

то есть – она же как птичка... Раз, порх, и все. Ни основательности тебе, ни распорядка. А тут реальность. Она жесткая, да я уж вам говорил. И люди – они люди и есть, их же не переделаешь... Мечталось одно, а на поверку – совсем другое получится... Не угадать, да и не в этом дело...

– А обратно? – спросила Юля, не совсем поняв эти туманные ответы. – Обратно, если что, можно? То есть купить?

– Купить-то, конечно, можно. Отчего нельзя? Раз продается, тогда и купить можно, цена известная, – забормотал старичок, отвернувшись куда-то в угол.

– Ну и ладно, – Юля махнула рукой. – Раз можно, тогда я ничем не рискую. Если что, приду и куплю. Давайте! Берите, то есть, – поправилась она, глядя на старичковую спину.

– Вот и славненько, раз решили, вот и хорошо, – продолжал он бормотать, склонившись и залезая под свой прилавок. – Счас аппаратурку наладим, в один моментик все сделаем...

– Какую аппаратуру? – насторожилась Юля. – Зачем? Я ни в какие аппараты не лезу.

– Никуда лезть не надо, – успокоил ее продавец, доставая на стойку странный прибор, похожий на два наушника на ножках, в полуметре один от другого торчащих из какой-то металлической рейки. К одному из наушников снизу на проводке подключалась черненькая коробочка. – Вот сюда ухо приложите на секунду, всего и делов.

Юля послушалась, встала, нагнулась над стойкой и плот-

но прижалась ухом к одному из наушников. Старичок одобряюще кивнул, сунул руку куда-то под стойку, перещелкнул там выключатель или тумблер, или что у них там было, в ухе тут же тоненько загудело, словно остренький лучик пробежал через Юлину голову в другое ухо, тотчас же что-то снова щелкнуло, и все замерло, замолчало. Юля, подняв глаза на старичка и получив от него кивок головы, мол, все кончилось, осторожно вынула ухо.

– Все, барышня, закончили, – подтвердил словами старичок, радостно улыбаясь. – Спасибо вам большое. Все у вас тут же исполнится, будьте покойны. Счастливого вам настроения. Если что новенькое появится, не раздумывайте, приходите еще.

Юля вежливо покивала, подхватила и вышла за дверь.

В глаза ей тут же ударило яркое весеннее солнышко. Веселое, шаловливое, после внутреннего электрического света оно буквально ослепило. Юля зажмурилась, покачнулась, оступилась на скользком подтаявшем льду, взмахнула руками и чуть не съехала на мостовую с узкого тротуара. Тут же, прямо над ухом, раздался резкий визг тормозов.

Юля открыла враз проясневшие от страха глаза. В полуметре от нее лаково светился черный нос мерседеса со знаменитым торчащим кольцом. Из открытой водительской двери подымался, ругаясь, плечистый мужчина в черном пальто.

– Вам что, девушка, жить надоело? Что же вы под коле-

са-то кидаетесь, черт вас возьми? А если б я... – Тут он осекся, как то смешно взмахнул обеими руками и кинулся к ней. – Юлька?! Смирнова! Так это ты! Надо же, черт возьми, вот так встреча!

Оторвавшись от мерседесьего носа, Юля взглянула мужчине в лицо. Перед ней стоял Рабинович собственной персоной, гладкий и важный, в черном расстегнутом кашемировом пальто и алом шарфе. Из-под шарфа сияла кипенно-белая рубашка. Юля хотела было обрадоваться и удивиться неожиданной встрече, произошедшей именно так, как она не раз себе представляла, но тут же вспомнила, что именно это ей и было обещано, и взяла себя в руки.

– Здравствуй, Валерочка, – произнесла она, переводя дыхание. – Так это ты тут гоняешь, как ненормальный. А у меня, между прочим, ребенок по этой улице в школу ходит!

– Я не гонял, – начал оправдываться шикарный Рабинович. – Я как все ехал, а ты ни с того, ни с сего как сиганешь под колеса... Да ладно, – перебил он сам себя. – Не будем о грустном. Я страшно рад тебя видеть! Ты расскажи лучше, как живешь, как что... Да пошли сядем, что мы стоим тут, как дураки, – он подхватил Юлю под локоть и усадил в машину.

Изнутри мерседес был еще роскошнее, чем снаружи. Светлая кожа сидений, блестящие ручки... Юля порадовалась, что вышла сегодня из дому в относительно новом верблюжьем пальто, а ведь могла бы и старую куртку натянуть.

Впрочем, в новой шубе было бы еще лучше, но кто же знал... Хотя Валерке явным образом было не до ее верхней одежды, он весь светился радостью и что-то трещал без умолку, в школе за ним такого не водилось.

– Я и на вечере встречи про тебя спрашивал, Ирка сказала – вроде не знает ничего, а ты, оказывается, вот где. Ну говори, рассказывай, как она – жизнь-то? Выглядишь замечательно, считай, и не изменилась совсем, я тебя сразу узнал. Погоди, это сколько же лет прошло, как мы не виделись? Четырнадцать? Пятнадцать?

Чтобы сбить его с этой скользкой возрастной темы, Юля перехватила инициативу и начала задавать вопросы сама.

– А я бы тебя ни за что не узнала. Ты сам-то вон какой крутой стал. – Валерка только смущенно махнул рукой. – Не прибедняйся, Рабинович, все же видно. И кто ты есть такой навороченный? Банкир, или похлеще будешь?

– Ой, Юлечка, ну зачем тебе эти унылые подробности? Ну, работаю потихоньку, делаю денежки, то-се, скучно. Такой красивой даме это неинтересно совсем. Кстати, – тут он, небрежным жестом подняв рукав, бросил взгляд на роскошного вида часы, – я дико извиняюсь, в самом деле ужасно рад тебя видеть, но у меня сейчас деловая встреча тут рядом, я и так уже опоздал. Ты только не подумай, – заторопился он, заглядывая Юле в глаза, – что я от тебя избавиться хочу, я бы тебя с собой пригласил, но это тощища ужасная, тебе не понравится. Давай я сейчас поеду, а вечером, часиков в семь,

мы с тобой встретимся. Посидим где-нибудь, поболтаем? Ты же не обидишься на меня, правда?

Юля вообще-то хотела, пожалуй, это сделать, но передумала. В конце концов, он тоже не виноват.

– Что ж с тобой сделаешь, – вздохнула она притворно. – Катись на свои дела, олигарх.

– Ты мне только телефончик оставь, – просиял Рабинович и вытащил малюсенький мобильник. – Я тебе, как закончу, отзвонюсь, и сразу поедем. И мой запиши, даже лучше – я сам тебе запишу. – Он вытащил еще откуда-то белый прямоугольник визитной карточки и блестящую ручку, накарябал чего-то на обороте. – Это мой мобильник, вот этот, по нему и звони, если что. До вечера, целую ручку.

Мерседес уже несколько минут, как исчез в переулке, а Юля все еще стояла на тротуаре, слепо глядя перед собой. Ее переполняли какие-то двойственные чувства. С одной стороны, ничего необычного в произошедшем эпизоде не было – подумаешь, на улице одноклассника встретила. Он тут работает, она живет, большое дело. Конечно, случись такое само по себе, она бы страшно обрадовалась, тем более теперь, когда при ней ни Мишки, ни Ксюши, она свободна, как птица, и может даже вечером из дома уйти, как человек. А с другой – чего радоваться особо, ведь именно это она и купила за свои иллюзии. Так что радость была какая-то подмоченная. Хотя все равно здорово, какая разница, купила – не купила, оно же все равно есть, теперь вечером развлекусь

на все сто, – решила, тряхнув головой, Юля. Развернулась и побежала, стараясь не подпрыгивать, в сторону дома.

Остаток дня прошел быстрее, чем она думала. Юля только-только успела накормить и выгулять пса, вымыть и высушить голову и выбрать примерный наряд на вечер (пришлось долго думать, что же именно ей надеть – тряпок было много, поводов выйти в них – мало, а поносить хотелось все). Наконец она выбрала скромные, но изящные черные брюки и темный же свитер к ним – простенько, но со вкусом. Стала примерять все у зеркала, и тут раздался звонок.

Это звонил Валерка. В полседьмого, как и обещал. Юля внутренне поставила ему пятерку за точность, объяснила, как найти дом, и обещала выйти к подъезду через двадцать минут.

Вечер получился замечательным. Они посидели в небольшом, уютном, но, судя по всему, страшно дорогом ресторанчике (счет Юля, естественно, даже не увидела), вспомнили школьные годы, старых знакомых, обсудили свою теперешнюю жизнь. Валерка рассказал ей печальную историю про бывшую жену и похищение ребенка. Из его слов выходило, что он вовсе и не хотел такого экстрима, но жена оказалась крайне неуравновешенной и даже опасной особой, оставлять которой ребенка было просто нельзя, вот и пришлось... Так что Юля, которая изначально все это не одобряла, потому что была убеждена, что детям всегда лучше с матерью, в конце концов оказалась всецело на Валеркиной стороне, очень

жалела малыша и не могла не восторгаться отцовской заботой.

Вечером Рабинович отвез ее домой и даже подождал, пока она погуляет с собакой. Зайти выпить на прощание чаю или кофе отказался, ссылаясь на родительские обязанности, и этим вызвал у Юли смешанное чувство облегчения и легкой досады. Она, конечно, не могла не понимать двусмысленности этих поздних чаепитий, и ей самой, может быть, не больно-то и хотелось, все так, но Рабинович-то по сценарию должен был домогаться... Впрочем, подумав, Юля списала все на романтичность и возвышенность рабиновичих чувств по отношению к ней (как и было задумано) и, довольная, отправилась спать.

Утром она, как ни странно, проснулась не от собачьего визга, а от звонка в дверь. Глянув в суматохе на часы – полдевятого – она схватила халат и понеслась открывать, чуть не упав по дороге, потому что споткнулась в темноте о спящего поперек коридора Пусика.

– Охранник чертов, – выругалась в спешке Юля. – Там в дверь ломятся, а ты тут дрыхнешь, Московская-еле-живая!

Что, впрочем, не произвело на сенбернара ни малейшего впечатления. Судя по всему, он даже не проснулся.

За дверью стоял букет цветов. Сам. На человеческих ногах. То есть потом-то выяснилось, что за белыми розами скрывался рассыльный из магазина, но первое впечатление было именно таким. Расписавшись в получении, Юля потащила

цветы в квартиру. Пока она суетилась вокруг букета, мучительно думая, куда же его поставить (в доме даже не было вазы такого размера), противный пес проснулся, лениво вразвалку подошел к лежащим на краешке дивана розам, сунул в них толстый нос, чихнул, а потом уселся к букету задом и стал чесать лапой за ухом так, что затрясся весь пол. Очевидно, от тряски из букета выпал маленький белый конвертик. Юля тут же его открыла.

«С благодарностью за чудный вечер. В. Р.» Красиво... Юля вздохнула. Вот она, наступила романтика. Цветы, записки – мечта! Куда бы только запихнуть все эти розы, пока не завяли... Да и с собакой надо гулять идти...

Вечером они с Валеркой снова пошли в ресторан. На этот раз Юля гораздо меньше волновалась из-за одежды – что-то подсказывало ей, что у нее будет возможность выгулять все свои платья. Ресторан был другим, на сей раз в китайском стиле, и Юля вдруг поняла, что утка по-пекински, которую с большой помпой вынесли к ним на специальном столике и стали нарезать прямо тут же, в зале, на вкус совсем не такая, как в Пекине, куда они ездили с Мишей два года назад. Она, конечно, будучи вежливой, не стала озвучивать эту нехитрую мысль, но укол разочарования был замечен. Валерка опять отвез ее домой, и опять отказался от чая, но поцеловал на прощание в щечку, и Юля подумала, что, пожалуй, недолго ей осталось пить этот чай в одиночестве. Да и розы с утра были чайными.

Чай состоялся назавтра, как и было предсказано. Все было очень мило и ненавязчиво, нет, в самом деле. Но как-то очень... предсказуемо, что ли... В общем, никаких эмоций, ни взрывов восторга, ни угрызений стыда, Юля не испытала. Уже потом, когда Валерка уехал (он говорил, извиняясь, что обязательно должен ночевать дома, что сын без него не ложится), Юля заварила себе наконец-то чайку, устроилась поудобней на кухне и постаралась как следует все обдумать.

Вот она изменила мужу. Впервые за кучу лет, между прочим. И что? Да пожалуй, что ничего... Ничего, во всяком случае, особенного. Да, Валерка оказался неплохим любовником, и ощущения, пожалуй, были острее, чем с мужем, так это же и естественно – на новенького-то. Да, ему с ней явно было очень хорошо. Значит, она и сама до сих пор хороша. Это приятно. И цветочки с утра – приятно. Интересно, он завтра красные розы пришлет? Или розовые? Но цветами забита уже вся квартира, розы плавают в ванной, пахнут и вянут, и что с ними делать? А новые куда девать? Да, а постель... Девчонки, бывает, рассказывают про своих любовников какие-то африканские страсти, а она что-то ничего такого не заметила. Ну, одна поза, ну, другая, результат-то все равно один и тот же... Даже непонятно, стоит ли все это продолжать... Ну сейчас ладно, еще ничего, а вот вернется Миша... И Ксюха... Конструктивного размышления не выходило, Юля сунула грязную чашку в раковину и отправилась спать. А розы утром на самом деле оказались красными.

Весь следующий день Юля не выходила из дому, только с собакой, валялась на диване, пила пустой чай вместо еды и вяло старалась размышлять. Как-то нелепо все выходило... Не этого ей, пожалуй, хотелось в самом начале. С другой стороны, взять все сейчас и бросить было немножко обидно. А вдруг все самое замечательное еще где-то там, впереди? Что именно замечательное, она и сама толком не представляла. Впрочем, она и этого, того, что уже было, тоже никогда толком не представляла. Юля вдруг вспомнила, что собственно проданная иллюзия кончалась примерно на том месте, где они с Валеркой встречаются и он падает к ее ногам. Ну, может, еще цветочки там были, ну и все. И ничего больше. А произошедшее – это что-то уже отдельное, какая-то другая и не иллюзия даже. Она вспомнила, как старичок-продавец предупреждал ее, что иллюзии на поверку оказываются совсем не такими, как представлялись, и пожалела, что слушала его невнимательно. С другой стороны, ничего плохого ведь тоже не произошло...

Вечером оказалось, что была пятница, и они пошли в театр. Модная пьеса, музыкальная, очень шумная и громкая. Юля давно в театр не выбиралась и поняла, что совершенно отвыкла от этого звона и блеска, неестественных криков со сцены и бравурных прыжков. У нее к концу заболела голова, и больше всего хотелось домой, но домой они не поехали, а поехали в ресторан, и не одни, а с компанией Валеркиных приятелей, а из ресторана все потянулись в ночной клуб...

В общем, домой она попала часа в три, а может быть, еще позже. Устала страшно, голова разламывалась, а тут еще пес встретил ее горячим негодованием и живыми упреками. Его тоже можно было понять – он был голоден, в холодильнике так пусто, что и украсть ничего не удалось, вода в миске закончилась и он весь вечер не гулял. С Валеркой, который благородно предложил свои услуги по выгулу домашних животных, пес идти гордо отказался, а с Юлей пошел, но всю дорогу демонстративно поворачивался к ней задом, всем своим видом выражая высшую степень презрения. Не то чтобы Юле сильно было до собачьих страстей, как впрочем, до всех других страстей тоже – она мечтала добраться, наконец, до подушки, и как только это ей удалось, рухнула и почти отключилась. Валерка, кажется, что-то такое еще над ней творил, но ей было уже все равно...

Утром она проснулась, вопреки всем ожиданиям, довольно рано, и, чувствуя себя страшно помятой, как будто по ней каток проехал, нечесаная, как была, накинула халатик и поплелась на кухню. Вошла и остолбенела – в ее родной кухне, за ее столом, сидел во всей красе посторонний мужик в отглаженном с иголки костюме, белоснежной рубашке и галстук! Юля с большим трудом и далеко не сразу сообразила, кто это был.

Валерка выпил кофе и быстро уехал, за что ему отдельное спасибо, а Юля еще долго приходила в себя. Полностью этот процесс закончился часам к пяти, и примерно тогда же Ва-

лерка позвонил ей снова и сказал, что сейчас зайдет.

Он действительно скоро зашел, уже не в костюме, а в джинсах и в свитере, и сказал, что вот он был у Юли у гостей множество раз, а теперь хочет пригласить ее к себе. Не то чтобы Юля пришла от этой идеи в восторг, у нее, скорее, просто не было сил отказываться.

Рабинович жил на Фрунзенской набережной, в высоком кирпичном доме, на втором этаже. Они поднялись и вошли в совершенно невозможную, всю насквозь современную квартиру, там совершенно не оказалось человеческих комнат, а только «разгруппированное пространство» и сплошь застланный белыми коврами пол. Юля не сама догадалась про пространство, ей было слабо, это Валерка, немного смущаясь, ей объяснил; в ковры же нога погружалась по щиколотку. Но самым странным было даже не это, а какой-то постоянный, хотя и негромкий, но пронзительный звук, пробивавшийся откуда-то словно издалека. Как будто кто-то кричал «А», не прерываясь ни на секунду. Юля сперва сама пыталась определить природу звука, но минут через пять сдалась и спросила Валеру.

– Так это ребенка купать пытаются, – ответил он, не шевельнув, что называется, бровью.

– Как то есть – купать? – не поняла Юля. – Это трубы что ли гудят? Потому что дом старый?

– Да нет же, – отмахнулся Валера. – Какие трубы, трубы я поменял во всем доме, это ребенок. Да что я буду объяснять,

хочешь – пойдём посмотрим.

Заинтригованная Юля немедленно согласилась. Они прошли по коридору, который им, в сущности, не был, подошли к маленькой двери в стене. За дверью скрывалась витая лестница, ведущая вверх. Звук явно усилился.

– Это у меня наверху вторая квартира, – пояснил ей Валера. – Я две купил и лестницу провел. Там Санька и живет.

– Один что ли? – опять не поняла Юля.

– Зачем один? С гувернанткой. И мама моя тоже с ними. Сейчас увидишь, – и он открыл новую дверь на верхней площадке.

Увиденное Юлю потрясло. Во-первых, звук здесь достигал каких-то невыносимых частот. Уши закладывало сразу и напрочь. Но и без этого было неслабо. Огромная комната была сплошь завалена всевозможнейшими игрушками – от конструктора «Лего» в немислимых количествах до мерзких плюшевых горилл в человеческий рост. Посреди комнаты стоял стол, а на столе сидел абсолютно голый ребенок лет так шести. Рот его был широко открыт, и именно оттуда и исходил невозможный звук. Обеими руками ребенок, не переставая ни на минуту, швырял во все стороны игрушки, которые в четыре руки подымали две пожилые женщины. Подняв, они возвращали игрушки на стол, откуда они вновь расшвыривались в разные стороны, и так по кругу. На пришедших никто не обратил внимания – вся троица казалась абсолютно аутичной, полностью поглощенной происходящим.

Юлина голова, как следует не пришедшая в себя после вчерашнего, немедленно заболела снова. От крика и мельтешения Юля просто потеряла контроль над собой, и, возможно, именно этим и объяснялся ее последующий поступок. Она шагнула к столу, сгребла ребенка в охапку, огляделась вокруг, заметила справа приоткрытую белую дверь, за которой виднелась уже наполненная водой ванна, шагнула туда и быстрым движением, локтем придерживав барахтающиеся ноги, сунула ребенка в воду. Наступившая тишина показалась после этого райским блаженством. Ребенок, разлепив залитые водой глаза, с удивлением уставился на Юлю. Когда молчал, он, пожалуй, был даже хорошеньким – большие темные глаза, светлые кудри и оттопыренные в стороны уши.

– Купайся, – строго велела Юля и вышла из ванной. Тут же устремились кудахчущие тетки. Валерка осторожно взял Юлю под локоть и увел вниз. Там он усадил ее в какое-то низкое кресло, вытащил из стены бутылку коньяка и две рюмки, налил Юле, потом себе, выпил залпом, вытер ладонью лоб и произнес:

– Знаешь, я иногда смотрю на все это, и думаю: может быть, зря я его украл?

Юля не знала, что ответить. Валерка продолжал:

– Я все время на работе, мне некогда, а мать с нянькой... Мать его любит до ужаса, все позволяет, а нянька боится слово сказать – еще бы, я ей такие деньги плачу... Санька хороший пацан, только балованный, а мне тоже его жалко, не

наказывать же... Да и времени у меня нет. Я игрушку любую могу купить, а так, чтоб возиться... Я посмотрел – как у тебя здорово получилось, а, Юль...

– Ничего здорового, – хмыкнула немного смущенная Юля, – обычное дело.

– Нет, не скажи, – не согласился Рабинович. – Он купаться терпеть не может, его в воду не засадишь, у нас каждый вечер такое, а ты – раз, и все. Тут уметь надо.

– Нечего тут уметь, – рассердилась Юля. – Никакие дети не любят голову мыть, спрашивать меньше надо.

– Наверно, наверно... – протянул Валерка задумчиво. – Юль, знаешь что? Выходи за меня замуж, а? Я подумал – ты мне подойдешь. Я тебя давно знаю, ты мне нравишься, и с Санькой у тебя получается. Я все, что захочешь, сделаю – квартиру другую куплю, или дом там, машину, какую захочешь, все что угодно...

Юля остолбенела.

– Я, некоторым образом, замужем, Валер, – пролепетала она трясущимися губами. – И дочка у меня.

– Так это не проблема, – отмахнулся Рабинович. – Развод я тебе хоть завтра сделаю, а дочка пусть с нами живет, Саньке веселей будет. Или в школу ее пошлем, в Англию.

– А собаку мою куда денешь? – Юля уже пришла в себя и, пожалуй, рассвирепела.

– Пес у тебя, конечно... – Валерка задумался. – Но ничего. У меня дача есть, мы туда его свезем, будет у охранника

жить. А что? На воздухе, милое дело...

– Ну вот что, Валерочка, – Юля на всякий случай старалась говорить вежливо. – Повеселились, и хватит. Спасибо, как говорится, за лестное предложение, но замуж я за тебя все-таки не пойду. Я, знаешь, как-то к своей семье привыкла, и собака со мной десять лет прожила, так что еще раз спасибо. И наверное, не стоит нам с тобой больше встречаться. А сейчас я, пожалуй, пойду, мне пора.

– Ты это брось, – спокойно сказал Валера, но в глазах у него появилось что-то жесткое и недоброе. – Сейчас я, конечно, тебя отвезу, ты устала. Можешь, впрочем, и у меня переночевать, места хватит. – Он указал рукой куда-то направо, и Юля, глянув в ту сторону, заметила за выступом стены огромную, белую же, низкую кровать. Она испуганно замотала головой, дескать, нет.

– Не хочешь – ладно, – согласился Рабинович. – Сейчас отвезу. А ты отдохни и обо всем подумай.

– Не о чем мне тут думать, – вскинулась Юля. – Валерка, опомнись, да это же просто смешно...

– Подумай, где и как ты хочешь делать свадьбу, – продолжал тот, будто не слыша ее. – Куда поехать потом, у кого платье заказать, кого позовем... Только всерьез подойди, без халтуры. И еще подумай, как нам с мужем твоим поступить, ну, знаешь, чтоб все по-хорошему, а то я жестких-то мер не сторонник...

Вот когда Юля испугалась по-настоящему. До сих пор это

была, как ни крути, но игра, ваньки-встаньки, а теперь она как-то враз кончилась, и началось такое... Покруче любых иллюзий, сильно покруче, потому что такое нормальному человеку и в голову не придет.

Как Юля добралась до дому, как погуляла с собакой, она не помнила. Заснуть ей, понятное дело, почти не удалось, то мысли одолевали, то кошмары мерещились. Утром не пороге появились не только привычные цветы – снова красные, – но и молодой человек в строгом костюме под короткой курткой. Молодой человек представился Володей и заявил, что по просьбе Валерия Михалыча будет теперь ее охранять, на всякий случай.

Понятно, наличие такой охраны мало способствовало Юлиному спокойствию. Среди сонмища мыслей возникла лишь одна здравая – бежать в магазинчик и скорей, скорей потребовать свою иллюзию назад. И чтобы всю эту взбесившуюся реальность обратно забрали, ничуть не жалко.

Для маскировки она взяла с собой пса – дескать, идет с собакой гулять. Двухметровый Володя несколько не возражал, просто застегнул куртку и поперся за ними, на расстоянии двух шагов. Юля сперва испугалась, потом разозлилась, потом решила – наплевать, пусть тащится. А потом от Володи, как ни странно, образовалась даже некоторая польза: добравшись до магазина, Юля сунула ему в руку поводок и велела присмотреть за собакой.

Старичок был на месте, разулыбался ей, как старой знако-

мой, но, когда Юля, путаясь и сбиваясь, изложила суть своих требований, как-то враз помрачнел. Помрачнел, почесал затылок...

– Дело-то, голубушка... Неважное дело-то... Боюсь, не получится у нас...

– Как не получится? – ахнула Юля. – Я ж еще спрашивала специально, вы говорили – можно... Мне очень надо!

– Можно-то оно можно, да только... Вы спрашивали, помнится, можно ли иллюзию обратно купить.

Юля кивнула.

– Купить можно, и цена та же, да только вам-то надо не этого.

– А чего же? Как раз этого самого – я хочу, чтобы все было, как раньше. То есть, чтобы этого не было...

– Именно. Не иллюзию снова завести, а чтоб реальности не было. Это ж другое совсем. За иллюзию, да, надо платить реальностью, но совершенно не факт, что той же самой. Ведь того, что с вами сейчас происходит, в вашей иллюзии не было?

– Не было, – подтвердила Юля. – Я б такого не сочинила.

– То-то и оно, – печально закивал старичок. – Материализованные, проданные то есть, иллюзии, они ж своей жизнью начинают, их обратно-то не загнать.

– И что же мне теперь делать? – прошептала Юля, еще не веря, что все так плохо и спасения нет...

– А это уж вам решать, милая вы моя, – старичок только

руками развел. – Мы тут ответственности не несем.

– Я же не говорю про ответственность, – горько шептала Юля. – Я спрашиваю, мне-то как быть? Вы умный, вы знаете, может, можно что-нибудь придумать?

– Придумать-то всегда можно, – старичок даже погладил Юлю по голове, как котенка. – Допустим, я и придумаю, толку-то с этого... Я ж все равно сказать тебе не смогу.

– Почему?

– Потому что. Иллюзии – они у каждого свои. Я скажу – тебе вроде как свою подарю. А это не годится. Она потом непродажная будет. Знаешь, как сон вещей? Расскажешь – не сбудется. И мысли то ж.

– И как же мне быть?

– Думать, деточка, думать. Это завсегда помогает.

Юля думала день и ночь. Думать было трудно, мысли сбивались, страх путался и мешал. Еще мешали Валеркины топтуны, сменявшиеся по три раза на день, и он сам со своими звонками, во время которых заботливо спрашивал, не хочется ли ей чего-нибудь и куда они пойдут вечером. А больше всего мешало то, что дни неумолимо бежали, и до Мишиного возвращения их оставалось всего три... потом два... потом...

В этот вечер Юля наконец заснула, совершенно случайно, в кухне на диване. Видимо, сказала накопившаяся за последнее время усталость. Приснилось ей что-то такое хорошее и радостное, что, даже проснувшись, она какое-то время

не раскрывала глаз, боясь упустить виденное во сне. И поймала, не упустила. Ей снилось, что они все идут вместе гулять – Миша, Ксюха и она, Юля. Пес бежит следом, кругом лес и солнце, солнце. Все еще не открывая глаз, Юля пыталась продолжить сон, додумать его дальше: вот они все идут, и приходят домой, а дома... Как хорошо... Вот если бы все это – на самом деле...

Она так и подскочила с диванчика. Точно! Вот же он, выход! Теперь скорей, скорей, одеться быстренько и только не растерять...

Она вихрем влетела в маленький магазинчик и закричала прямо с порога, не дав старичку раскрыть рот:

– Доброе утро! Давайте скорей смотреть – я принесла новую, отличную иллюзию на продажу!

ШУБКА

Сказка

Это только говорят, мы, дескать, то, что мы едим. На самом деле мы – то, что мы носим. Про это тоже говорят: «По одежке встречают, по уму провожают», но это как раз ерунда. Никто тебя никуда не провожает, а какое уж сложилось о тебе первое впечатление, с таким ты и будешь жить вечно. Если, конечно, не отрастишь себе харизму.

У Маруси никакой харизмы не было, а первое впечатление, производимое ею на окружающих, вкратце формулировалось так: «бедненько, но чистенько». И оно, надо честно сказать, Марусиной внутренней сущности вполне соответствовало.

Потому что Маруся и была бедной. Не как бедная Лиза у Карамзина, то есть не в смысле духовной убогости, а в том самом что ни на есть пошлом, материальном и грубом смысле, что денег у нее было мало. На нужное хватало, на лишнее – нет.

В Марусиной жизни так было всегда, с самого детства. Они с мамой жили вдвоем, мама работала учительницей в школе. На учительскую зарплату даже тогда, в стабильно-советские времена было особо не разгуляться. Голыми и голодными, конечно, не были, но и роскоши никакой не зна-

ли. Две пары туфель – на лето и на осень, сапоги на зиму, пальто и куртка. Юбочка, кофточка, школьная форма... Маруся совершенно искренне не понимала, зачем человеку может быть нужно три платья – их же не наденешь все сразу.

Когда она заканчивала школу, мама вышла на пенсию. Маруся у нее поздним ребенком была. И зарплата-то учительская – говорить не о чем, а уж пенсия и вовсе слезы. Поэтому Марусе после школы пришлось не в институт поступать, а на работу устраиваться. Маруся хоть и не блистала особыми талантами, а училась все же неплохо, была, как говорится, твердой хорошисткой, потому что очень старательная и ответственная. Жалко было учебу бросать, но ничего не поделаешь.

Устроилась Маруся в библиотеку. И от дома не так далеко, и работа неплохая – тихая, интересная. И на вечерний потом поступила – в педагогический, отделение русского языка и литературы. Очень было удобно. Днем можно книжки читать, конспекты учить – в библиотеке много народу никогда не бывало, а вечером – на занятия.

Маруся уже только задним числом поняла, что это время, библиотечное, было, пожалуй, самым лучшим за всю ее жизнь. Она тогда столько книг прочла – все не перечислишь. Тихо было, спокойно, и люди вокруг приятные. Тогда-то ей, правда, скучновато казалось, зато потом...

Потом – это когда она институт закончила и в школу работать пошла. Это время Маруся иначе, как кошмар, никогда

не называла. Не могла она в школе. Не получалось у нее. Дети на уроках шумели, хамили, слушать ничего не хотели, издевались над ней по-всякому. Орать на них Маруся не могла, она орать вообще не умела, а по-хорошему они не понимали. Она думала, с ней только поначалу так, но, промучившись год, и два, и три, поняла – это навечно. И не выдержала, ушла из школы.

Мама тогда очень переживала, ругала Марусю и плакала. Во-первых, потому что учитель – это самая лучшая, святая профессия, а во-вторых – да кто ж ее еще работать возьмет? Кому она нужна со своей литературой?

Сама Маруся, если честно, хотела в библиотеку вернуться, но оказалось, что библиотека за это время пришла в окончательный упадок. Туда вообще перестал хоть кто-то ходить, оттуда старых-то библиотекарей поувольняли, куда еще новых брать. Да и не платили там ничего. «А я тебе говорила!» – плакала мама.

Поплакав, впрочем, мама развила бурную деятельность, подняла какие-то старые связи и через каких-то родителей от бывших учеников устроила Марусю корректором в издательство. Деньги там тоже были совсем небольшие, меньше, чем в школе, зато можно было сидеть тихо и книжки читать. И домой можно было носить, дома работать, для женщины – очень удобно.

Марусе-то это было как раз все равно, ей что дома, что на службе, у нее ни семьи, ни детей. А где ей было замуж вы-

ходить? В библиотеке, что ли? Или в педагогическом, на вечернем? Там если и пробегали случайно какие-то лица мужского пола, на них столько народу кидалось. И красотки, не Марусе чета.

Красавицей Маруся не была. Уродиной, правда, тоже. Она никакой не была, потому что ее с первого взгляда вообще никто не замечал. Про таких говорят: серая мышка. Маленькая, светленькая, бусенькая – глазки в очках, волосы в пучок, да еще и одета неярко. Внешность, одним словом, непримечательная. Если приглядеться, впрочем, то было видно, что глазки – большие и серые, носик тоненький, рот вполне изящный, а если волосы распустить, то и совсем хорошо. Но Маруся волосы распускала, только причесываясь на ночь, ей мама с детства объяснила, что с волосами – неопрятно, а приглядываться к ней все равно никто не собирался. Да она как-то и не думала об этом особо.

Издательство, в которое устроилась Маруся, при советской власти стояло на ногах довольно прочно, выпуская никому не нужные справочники и памфлеты, в бурные перестроечные годы начало шататься, а к моменту наступления молодого капитализма стало неустойчивым настолько, что руководству пришлось поступиться гордым званием образцового социалистического предприятия и озаботиться вопросами выживаемости.

Вопросы пошли решать сразу в трех направлениях. Во-первых, сдать в аренду многочисленные издательские пло-

щади, во-вторых, начать печатать что-нибудь более удобочитаемое, а в-третьих, сократить персонал. А поскольку считалось, что удобочитаемую литературу будут читать в любом виде, сокращение должны были начать с корректоров.

К счастью, суровость решений часто смягчается плавностью их выполнения. Издательские площади сдали, в здании завелось сразу несколько фирм и фирмочек, занимающихся всевозможнейшей деятельностью, падение печатного дома замедлилось, подпертое арендными деньгами, и про увольнение корректоров временно подзабыли.

Хотя всем известно, что нет ничего постоянного временных решений, и Маруся продолжала получать свою копеечную зарплату, как ни в чем не бывало, успокоиться она не могла. Ей нравилось работать корректором, но она помнила, как было непросто найти работу в прошлый раз. И, чтоб не попасть впросак снова, начала на всякий случай оглядываться вокруг – не подвернется ли вдруг какая-нибудь симпатичная работа как раз для нее.

Не прошло еще месяца, она, входя в здание, заметила на большой доске объявлений маленькую бумажку: «Фирме такой-то требуется секретарша. Срочно. Обращаться в комнату №... или по телефону». Маруся медленно, как во сне, протянула руку, сняла бумажку с доски и сунула в карман.

Полдня она сидела, как на иголках, все думая, идти или нет, а потом, незадолго до обеденного перерыва, решительно встала и отправилась в нужную комнату.

Фирмочка была маленькой, размещалась всего-то в двух смежных комнатах и занималась какой-то куплей-продажей. Наймом нового персонала в лице секретарши ведал сам директор, высокий гладкий мужчина по имени Петр Сергеевич. Кроме него в помещении фирмы находился еще один молодой человек, не отрывавший глаз от компьютера, по экрану которого носились стреляющие монстры. Похоже было, что персонал на этом и кончался.

Петр Сергеевич, морщась, словно кислого наелся, оглядел Марусю с головы до ног в маленьких туфельках на детской застежке, задержался взглядом на коленках, закрытых юбкой, еще раз скривился и уныло спросил:

– Ну, а что вы умеете делать?

Маруся по-хорошему умела только читать, но было понятно, что Петру Сергеевичу это радости не добавит, поэтому она, в свою очередь, вежливо поинтересовалась:

– А что нужно уметь?

Петр Сергеевич, не меняя выражения лица, погрузился в минутное раздумье, поскреб затылок, еще немного поморщился и, наконец, неуверенно выдал:

– Ну... Там... Бумажки разбирать... Кофе варить для меня, письма читать... Отвечать тоже. С клиентами работать, – тут он, наконец что-то вспомнив, радостно оживился и добавил уже бодрым тоном: – И иметь представительную внешность!

На протяжении этого перечисления обязанностей Маруся

лихорадочно соображала, что из списка она умеет делать, а что – нет. С чтением писем проблем не было, с бумажками вроде тоже, толпы клиентов в офисе не наблюдалось, трудности могли возникнуть только с кофе (Маруся с мамой дома из экономии пили чай), но это можно освоить, в крайнем случае у девочек в издательстве спросить. Оставалась внешность.

– Я все это умею, – сказала она как можно увереннее. – И кофе тоже. А что вам не нравится в моей внешности?

Маруся совсем не хотела ни хамить Петру Сергеевичу, ни смущать его. Она понимала, что на вид, наверное, не очень представительна, и совершенно серьезно пыталась выяснить, можно ли тут что-нибудь исправить своими силами, и если да, то что именно. Но Петр Сергеевич вдруг смутился, даже покраснел и, отведя глаза, выдавил:

– Да нет... Ничего. Нормальная внешность. – Немного помолчал и вдруг, будто в воду прыгнул: – Если все умеете, беру вас на испытательный срок. Зарплата сто пятьдесят долларов, потом посмотрим. Завтра выйти можете?

Если у Маруси и были сомнения, стоит ли связываться со всем этим делом или лучше досидеть спокойно в издательстве до увольнения, а потом начинать волноваться, то, услышав сумму зарплаты, она онемела. О таком она и мечтать не могла. Это было раз в пять больше ее корректорских харчей. Она только кивнула, не отводя от директора умоляющих глаз.

– Я п-постараюсь, – пролепетала она. – Мне только уво-
литься надо, но я постараюсь.

– Постарайтесь-постарайтесь, – буркнул новый началь-
ник. – Завтра к одиннадцати. Нет, к десяти, – поправился
он. – К одиннадцати я сам прихожу, сварите мне кофе. Вот
ключ.

Так началась Марусина новая трудовая жизнь. За остаток
этого дня она успела все оформить с издательством, уволили
ее – легче легкого, потом ночь, полная волнений и ожиданий,
и без десяти десять она уже стояла у двери фирмы, пытаясь
засунуть трясущейся рукой ключ в замок.

В помещении никого не было. Обе комнаты были застав-
лены какими-то коробками, среди которых с трудом обна-
руживались четыре стола и несколько стульев. Один стол
в дальней комнате был помассивней – наверное, директор-
ский. На другом стоял компьютер, принтер и еще что-то,
Маруся не очень в этом понимала. В дальнем углу на стуле
она обнаружила электрический чайник и банки с раствори-
мым кофе и сахаром. Процесс варки, таким образом, силь-
но упростался. Бумажек, с которыми надо было работать, в
явном виде не наблюдалось, если не считать мусора на полу.
Писем тоже. Маруся вздохнула, оглядела помещение еще раз
и принялась за дело.

Пришедший в офис через полтора часа Петр Сергеевич
подумал сперва, что ошибся дверью. Коробки были сложены
аккуратно в углу, столы и стулья расставлены, как на параде,

дальняя комната – его кабинет – сияла свежевывымытыми окнами, на аккуратнейшем пустом столе дымился стакан с кофе и лежала тоненькая стопка бумаг (все, что Маруся отыскала в процессе уборки и не рискнула выкинуть). Сама Маруся стояла в дверях с ручкой и блокнотом, и лицо ее выражало боевую готовность номер один.

Начальник, осторожно ступая, прошел к себе в кабинет, рухнул на стул, судорожно схватил стакан...

– Не остыл? – участливо поинтересовалась Маруся. – А то я новый сварю.

– Как вас... Мария... Не помню по отчеству...

– Эдуардовна, – подсказала Маруся. – Но можно без отчества.

– Мария Эдуардовна. Вы меня устраиваете. Я вас беру без всякого испытательного срока. Мы с вами сработаемся.

Так оно, в общем, и вышло. Время шло, фирма росла, торговала то тем, то другим, нанимала новых сотрудников, увольняла старых, переезжала с места на место, переживала дефолт, поднималась снова, а Маруся так и работала в ней секретаршей директора. Зарплата у нее за все время поднялась не сильно, долларов до двухсот, но ей хватало. Мама у нее умерла, жила она теперь совсем одна, ездила на метро, питалась скромно. Из развлечений – покупала книжки, выбиралась иногда в театр или консерваторию. Словом, все необходимое у нее было, а к лишнему она не привыкла, вот и не приставала к начальнику с повышением зарплаты. Мо-

жет, потому до сих пор и работала.

И начальник к ней тоже не приставал. Ни по делам лишнего не дергал, ни по личной части. Он, скорее всего, в этом смысле ее просто не замечал, воспринимая как привычную мебель. И Марусю это очень даже устраивало. Она каких только историй про секретарскую судьбу не наслушалась, а у нее все спокойно.

– Скучно ты живешь, Машка, – говорила ей давняя, еще со школьных времен, подруга Катя. – Вон твой начальник какой мужик симпатичный. Я б его давно обженила. А ты как курица.

Маруся только плечами пожимала. Ей вовсе не было скучно. Конечно, у Кати жизнь более яркая, она и замужем два раза была, сейчас за третьим, и дети у нее есть, и живет богато – на машине гоняет, по заграницам катается, ну так что же? Катя – красавица, она еще в школе такая была, так у нее и сложилось. А у нее, Маруси, все равно бы так не вышло. Что есть, то и есть, она всем довольна.

– И одеваешься, как старуха, – ругала ее Катя. – Ну кто в таком сейчас ходит? Юбочка, блузочка – тьфу! Конечно, твой Петр тебя от стенки не отличает. Надо мини носить или джинсы в обтяжку. С твоей-то фигурой ты б как модель была.

Модель не модель, но фигурка у Маруси и правда сохранилась совсем девичья. Сзади смотреть, совсем и не скажешь, что ей уже тридцать пять. А одевается она не как ста-

руха, а просто скромно. Куда ей выпендриваться? И потом, Катьке не объяснишь, что на ее зарплату шикарных тряпок особо не купишь. Ей только скажи про зарплату, она снова свое заведет. А зачем Марусе джинсы? Это спортивная одежда или за город ездить, а ей на работе положен костюм с белой блузкой.

Одежду свою Маруся почти всю покупала в комиссионках. Это, конечно, были совсем не те шикарные магазины, что раньше, когда только там можно было найти дорогие заграничные тряпки и фраза «одевается в комиссионках» звучала с придыханием. Сейчас это называется «секондхэнд» – полуподвальные такие странные места, где лежат, наваленные кучами, разные ношенные тряпки, привезенные из-за границы. Стоит все это копейки, но, чтобы найти там что-то приличное, нужно долго рыться в грудах старья. Есть, конечно, и настоящие комиссионки, как раньше, где вещи сдают сами хозяева, но их осталось совсем мало и никакого шика в них тоже нет.

Возле нынешнего места Марусиной работы – теперь в самом центре Москвы, почти на Тверской – была как раз такая комиссионка, и Маруся туда время от времени заходила. Не часто, она вообще одежду покупала не часто, только когда что-нибудь сносится, а она была аккуратной. Но зато, если что-нибудь было нужно, одним заходом в магазин было не отделаться, разве что уж очень повезет. Потому что в комиссионке ведь никогда заранее неизвестно, что там найдешь, а

если нужна тебе какая-то определенная вещь, так и ловишь ее неделями, а то и месяцами.

Сейчас Маруся начала искать себе теплую юбку. Приблизилась зима, а ее старая юбка уже так протерлась, что и не зашить. Надо было покупать новую, вот Маруся и зашла по пути с работы в знакомый магазин – на удачу, вдруг повезет.

Юбки она не нашла, зато увидела... Шубку. Не то, чтобы Маруся шуб никогда не видела, подумаешь, большое дело – они везде теперь сотнями продаются, на любой вкус. Она на них и не смотрела-то никогда. А чего смотреть? У нее на зиму есть отличное теплое пальто, она его всего-то третий год носит, а шуба – непозволительная роскошь. И непрактично – мех тонкий, враз повытрется, растреплется, да и зимы последнее время все теплые...

Но эта шубка привлекла ее внимание. Шубка была хороша – светлая, пушистая, из какого-то длинноворсного меха. Она даже на расстоянии (шубы висели не в общем зале, а отдельно, за прилавком, охраняемым продавщицей), на вешалке казалась легкой и очень теплой. И до ужаса, до неприличия красивой. Маруся не выдержала, замерла у прилавка, пялясь на шубку.

– Правда, красивая? – заметила ее восторг продавщица. – И размерчик маленький, прямо на вас. Хотите померить?

Маруся в ужасе замотала головой. Куда ей шубка? А раз так, чего мерить?

– Ну, как хотите, – продавщица не настаивала. – А она и

не дорогая совсем.

Весь вечер шубка не давала Марусе покоя. Все время вспоминалась, лезла в голову. Такая пушистая, такая... Надо было хоть померить, ругала она себя. И потом... Продавщица сказала: недорогая...

Маруся жила не первый день, и знала, что шубы дешевыми не бывают. Даже в комиссионке. То есть кому-то, может, это и не много, но не с ее зарплатой. Хотя...

У нее было отложено кое-что на черный день. Немного, примерно зарплаты полторы. И новая скоро будет. И премию к Новому году обещали. Может, если шубка стоит хотя бы зарплаты две, она и справится? Блажь, конечно, ужасная блажь, но такая красивая, невозможно.

Много ли у нее было в жизни красивых вещей? Вообще, считай, не было. А ей уже тридцать пять, полжизни прошло. И остальные пройдут, не заметишь. Правильно Катька говорит, скучно она живет. Вот у самой Катьки этих шуб – два шкафа набито. А такой красивой нету...

В общем, на следующий день после работы Маруся рысью поскакала в комиссионку. «Может, еще мала окажется, – успокаивала она сама себя. – Или велика. Или ее уже купили. Вопрос и решится». Но в глубине души она почему-то знала, что все будет на месте и впору.

За прилавком сидела уже другая продавщица, и это почему-то Марусю обрадовало. Не так стыдно. Хотя чего стыдно – она даже сама себе не могла бы сказать.

– Мне бы шубку померить, – тихонько попросила она. –
Вон ту, светлую.

Продавщица равнодушно сняла с палки вешалку с шубкой, перекинула Марусе через прилавок.

– Зеркало там.

Маруся приняла шубку в руки. Первых впечатлений было сразу два. Легчайшая, почти невесомая. Мягчайшая, нежная, как... Как... У Маруси и сравнений-то не было подходящих. Она ничего такого мягкого в жизни не гладила, разве что кошку Катькину, персидскую, но и та была жестче.

Маруся осторожно вынула из шубки вешалку. Подкладка была шелковой, тисненой, благородного серого цвета. Не стыдно хоть наизнанку носить. Маруся вспомнила гадкую клетчатую саржу на подкладке ее собственного зимнего пальто и свою неловкость в гардеробе консерватории.

А мех... Он был светлый, но не ровный светло-серый, а каждая ворсинка снизу светлее, а сверху, на кончике, почти совсем черная, и поэтому по нему все время пробегали муровые узоры. Шубка была живой, дышала...

Зажмурившись, Маруся нырнула в рукава, накинула шубку на плечи – веса совсем не чувствовалось, запахнулась, шагнула вслепую к зеркалу. И открыла глаза.

Шубки не было. И Маруси не было. На нее смотрела незнакомая женщина. Очень дорогая, очень изящная, а главное – очень красивая. Сияли лучистые серые глаза, золотились волосы на висках. Благородный мех ласково обнимал

хрупкие плечи. Образ был настолько естественным, настолько единым, что в это трудно было поверить. Даже грязноватые по ноябрьской погоде и оттого безошибочно Марусины ботики, торчащие снизу, не портили картины.

Маруся еще повертелась перед зеркалом так и сяк, открывая в шубке все новые достоинства. И длина – чуть ниже колена – идеальная, и кожаные вставочки по бокам и внутренней стороне рукава – силуэт стройней кажется и мех вытираться не будет, и застежка – защелкивающийся крючок, и воротник – отложная стойка, можно поднять и закутаться до ушей... Словом, сбыча мечт, воплощение идеала.

Шубку надо было покупать. В Марусиной душе случилось раздвоение... ну не личности же, а чего там бывает внутри... Одна половинка кричала, что это ее, что она достойна, заслужила, что в конце-то концов, каждый человек имеет право... А другая бубнила, упираясь, что денег нету, носить некуда, жалко, и вообще это – роскошь, а значит, излишество.

Так, раздираемая надвое, Маруся и подошла с шубкой к прилавку, робко вопрошая, сколько стоит. Продавщица назвала сумму.

Маруся ахнула.

Сумма была больше Марусиной зарплаты не вдвое, как она робко надеялась, не втрое, как она могла предполагать в самых страшных своих мыслях, а примерно впятеро. Да и то с учетом всех премий.

Никаких шансов у Маруси не было. Даже если она будет

полгода питаться акридами и откладывать все до копеечки, нужная сумма может не набраться, не говоря уже о том, что через полгода питания этими самыми акридами шубку будет просто не на что одевать. И потом – мелькнула совсем уж безумная мысль – акриды дорогие, это какие-то черви специальные, в общем, роскошь...

Очевидно, все эти мысли явственно отразились на Марусином лице, потому что продавщица ответно буркнула:

– А че ж вы хотели, гражданка? Белый песец, как новенький... Они вон, на рынке-то, втрое стоят.

Маруся ее почти не слышала. Сгорбившись и поникнув, она побрела прочь. Исчез волшебный образ гордой красавицы в мехах, будто и вовсе не появлялся. И правильно, и поделом, нечего было и лезть с самого начала. Известно же: шубы не для нее, у нее есть пальто, и будет с нее, и расстраиваться бы не пришлось. Пускай в шубе другие ходят, как Катька. А она купит книгу, внеочередную, даже детектив, и это послужит ей утешением.

Маруся взяла себя в руки и стала жить дальше привычным образом. Только в комиссионку заходила чаще, чем раньше. В среднем раза два в неделю. В конце концов, у нее был повод – она же юбку так и не нашла. А то, что, заходя, она каждый раз кидает печальный взгляд в сторону шубки, все еще висящей за прилавком, – ее личное дело. И ничего лишнего в этом нет.

Пока однажды, в очередной свой заход, она не увидела

свою шубку на плечах какой-то мерзкой тетки, стоящей перед зеркалом. На тетке шубка смотрелась, как на корове седло, но главное было даже не в этом. Главное было в том внезапном, жутком ощущении страха и потери, которое охватило Марусю. Пока шубка висела себе в магазине, она была ничья, просто шубка сама по себе, и с этим Маруся смирилась. Но видеть ее на ком-то оказалось невозможно. А если эта мымра ее сейчас купит и унесет, и она, Маруся, никогда ее не увидит? Это нечестно, неправильно, так нельзя.

К счастью, шубка тетке не подошла, она сняла ее и, помятую, вернула продавщице. У Маруси отлегло от сердца, и она нашла в себе силы уйти, хотя полностью покой к ней так и не вернулся.

Весь остаток вечера Маруся провела в размышлениях. Конечно, это ненормально – так убиваться из-за какой-то тряпки. Даже если это не тряпка, а шубка. Но, с другой стороны, ей, наверное, первый раз в жизни чего-то хочется с такой нездешней силой. И, может, все-таки следует пойти на поводу у мечты? Кто сказал, что мечтать надо только о высоком? Сам-то, небось, не ходил всю жизнь в суконном пальто...

На самом деле у Маруси была одна-единственная ценная вещь. Из разряда безусловной роскоши. Никогда никем не используемая, она лежала, спрятанная в таких глубинах как шкафа, так и Марусиной памяти, что ее почти что и не было.

Это было золотое кольцо. Марусе его отдала перед смертью мама, а той, в свою очередь, ее мама, а у той оно по-

явилось от мужа, Марусиного то есть деда. Дед привез его с войны как немецкий трофей. Где уж он его нашел в военной Германии, с какого снял пальца, так и осталось тайной.

Кольцо было роскошным, богатым и, наверное, очень дорогим. Оно изображало свернувшегося льва, который держал в лапах драгоценный прозрачный камень. Глаза у льва были зеленые, из вставленных камушков, а в раскрытой пасти виднелся красный язык. На шее льва был надет чеканный ошейник, тоже покрытый каменными блестками. Маруся не разбиралась ни в драгоценностях, ни в камнях, но судя по тому, как все сверкало и переливалось... И работа... Кольцо явно было старинным, ничего похожего ей никогда не встречалось ни у кого из знакомых, даже у Кати, которая это дело любила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.